

Рассвет. Заря горит, и все небо в тончайших нежно-розовых и палевых перистых облаках. Сквозь них видно ясное небо. Прохладно. Из-под тальников тянется серебряная от росы трава.

Звонко кукует кукушка. Кудрахчет курица на плоту в бабкином курятнике. Река курится туманом. Лес в волнистом тумане, словно колдуны окутали его седыми бородами. Дальние сопки порозовели. Из-за хребта глянуло солнце и полило лучи через лес и реку на желтую отмель, освещая стан переселенцев, как груды наосника, выброшенного рекой за ночь.

Долговязый парень в казачьих штанах пробежал по стану, созывая переселенцев на осмотр местности. Крестьяне полезли из-под мокрых пологов. Женщины раздували в тепле огнищ угли. Ребятишки натаскали хвороста. Весело затрещали костры, повалил дым.

Бойко на весь лес заливаются кукушка. Звонко и чисто раздается ее кукование в холодной и торжественной тишине утра.

«Долго ли проживем на этом месте?» — загадывает Наталья, стоя на камне и умываясь прозрачной утренней водой. Птица чуть было не смолкла, словно поперхнулась, но тут же, встрепенувшись, закуковала чаще и веселей, словно дерзко подшутила над Натальей и сразу же поспешила ее утешить.

«Не знай, как понять: видно, что первый год тяжело будет, а дальше проживем, что ли... — неуверенно истолковала Наталья кукушкину ворожбу. — Господи, да так ли? — вдруг со страхом подумала она, подымаясь и вытирая лицо. — Где жить-то станем?» Она оглядела темный лес и реку, несущуюся из тумана.

А кукушка все куковала.

Мужики, вооружившись топорами, собирались к палатке барина. Петр Кузьмич Барсуков был молодой сибиряк, года три тому назад окончивший университет в столице и уже успевший там порядочно поотвыкнуть от своей суровой родины. Недавно его перевели из Иркутска в Николаевск на устье Амура, в распоряжение губернатора Приморской области.

В это утро Барсуков испытывал такое чувство, как будто его отпускали из неволи. Наконец-то он водворит на место последнюю партию переселенцев и сможет подняться в Хабаровку, а оттуда отправиться в Николаевск. Скитания по реке надоели ему.

Несмотря на привычку к путешествиям по тайге и по рекам, тоска, особенно за последние дни, давала себя знать. Это была та странная, внезапно охватывающая человека тоска, которой подвержены почти все, преимущественно молодые, путешественники по тайге. Он знал случаи, когда точно в таком состоянии, какое было сейчас у него, приезжие из российских губерний, военные и чиновники, спивались, либо теряли рассудок, либо кончали жизнь самоубийством. Никакие красоты природы, никакое изобилие дичи, до которой обычно Петр Кузьмич был большой охотник, не могли более развлечь его. Пока шли дожди, он еще кое-как терпел эту тоску и одиночество, но когда началась жара, от которой сторала кожа, трескались губы и, казалось, таял мозг, терпения его не стало. На ум то и дело приходила семья и все домашнее. Он побуждал себя изучать неведомую и интересную жизнь на Амуре, расспрашивал бывалых казаков, постреливал из ружья, рисовал в альбом и писал дневник, но делал это все единственно потому, что знал — так надо делать, чтобы окончательно не раскиснуть. Но ему очевидно было, что наездился он в это лето досыта, и пора возвращаться в Николаевск.

Однако прежде чем плыть домой, он должен был побывать в Хабаровке, чтобы встретиться с другими чиновниками и выполнить кой-какие формальности. Только по окончании всех этих дел он мог плыть пароходом на устье.

Одна мысль долбила его мозг: поскорей водворить переселенцев — и домой. «Но как подумаешь, — размышлял он, — сколько еще придется отмахать вверх на шестах, а потом снова вниз, то жутко становится. Да еще неизвестно, когда будут в Хабаровке пароходы».

Ночь Барсуков спал плохо. Детишки, которых он этой весной перевез вместе с женой из Иркутска, не выходили у него из головы. С думами о доме поднялся он, как только чуть забрезжил рассвет, и, едва глянуло солнце, велел казаку идти на стан, будить переселенцев и созывать их к палатке.

— С добрым утром, мужики! — встретил их чиновник.

— Благодарствуем, батюшка! И тебе веселый денек! — кланялись мужики, ломая шапки и обнажая длинноволосые головы.

Барсуков предложил подняться на высокий лесистый бугор, видневшийся в версте от стана, и осмотреть местность. Река, широкая напротив отмели, где стояли плоты, резко, крутым клином сужалась к бугру, который выступал в воду мысом. Бугор был высок, с него, верно, хорошо видны окрестности.

— Что ж, пройтись можно, — согласились мужики. Толпа, давя ракушки, бодро двинулась по отмелям следом за Кешкой, взявшимся проводить, обходила заливы, которые то сужались, то расширялись, образуя чередующиеся песчаные косы.

— Вот где рыбачить-то, красота! — проговорил Кешка, перебрывая заливы в своих высоких ичихах. — На косах-то неводить без задева.

Недалеко от бугра, там, где за тальниками торчали кочки и буйно росла осока, открылся распадок между релкой и бугром. Пологие склоны его были порублены. Меж пеньков виднелась бревенчатая, крытая корой избенка. За ней торчал крытый жердями и берестой свайный амбарчик. Поодаль густо, сплошной чащей, росли березы и лиственницы.

— Иваново зимовье, — сказал Петрован. — Зайдем, что ль, ваше благородие?

— Пожалуй, зайдем, — согласился Петр Кузьмич.

— Айда, мужики! — повеселел Федор. — Поглядим, как тут люди живут.

Петрован открыл ставень, отвалил кол, и толпа полезла в дверь.

В избе было сыро и темно. В единственное оконце Бердышев вместо стекла вставил пузырь в крепком решетнике, чтобы зверь не залез в избу, когда ставень открыт. Обширная небеленая печь занимала добрую половину избы. Под потолком налажены были полати. У стены тянулись нары, устланные шкурами. По стенам висела одежда и кожаная обувь, в полках виднелась туземная расписная утварь из бересты и луба. Со стропил свешивались связки сушеной рыбы и звериные шкуры.

Мужики молча оглядывали жильё.

— Оставляет добычу, не боится, — заметил Барабанов.

— Кто в тайге тронет! — отозвался Иннокентий. — Но соболей-то не оставит, хорошую шкуру, конечно, прячет.

— А где прячет-то? — с живостью спросил Федор.

— Где!.. — передразнил его казак. — Мало ли где, это уж он знает.

— Топор, пилу имеет, а настоящего старания нет, — заключил Егор, осмотрев избу.

Барин вскоре вышел наружу. За ним выбрались из избы и мужики, почитавшие неудобным торчать там без хозяина.

— Жаль, что Бердышев в отлучке, — сказал чиновник, обращаясь к переселенцам. — Он был бы полезен для вашего брата. Он и сам давно поговаривал, чтобы сюда населили русских.

— Уживемся ли с ним? — спрашивали мужики.

— Да нет вам никакого смысла с ним ссориться, да и не из-за чего.

— Мы-то, конечно, да как он... — отозвались крестьяне, помня рассказы казаков о том, что по здешнему обычаю староселу за приселение надо заплатить или отработать за него.

— Я же говорю, ему давно хочется жить со своими. Делить вам тут нечего будет. Тайга велика, на всех хватит. Да и он как будто ладный мужик.

Казаки снова подперли дверь колом и закрыли ставень, барин сделал какие-то пометки в записной книжке, и толпа стала подыматься. Разводя руками густой зеленый орешник и молодую поросль кленов, разрубая топорами какие-то цепкие

колючие кустарники, перевитые ползучими растениями, мужики кое-как взобрались на бугор.

Вершина бугра была обширна, поросла молодым лесом, кое-где виднелись старые сломы от выгоревших и поваленных ветрами деревьев.

Барин поднялся на груду гниющего, трухлявого буревала и, укрепившись, стал осматривать окрестность в подзорную трубу. Мужики тоже полезли на валежины. Перед ними открылся обширный вид. Могучая река, изгибаясь, разлилась по долине. Один из широких и прямых рукавов ее тек со стороны к главному руслу, пробивая брешь в поемном берегу, и вдали сливался с небом.

— Эх, и река! — удивился Тимошка. — Вон там и берега не видать.

— Наискось верст двадцать будет, — подтвердил Кешка. — А на низу еще шире бывает.

— Эвон и леса залила. А протоки-то, острова-то, как лоскутья нарезаны...

Прямо напротив бугра, за рекой на утесах стоял частый еловый лес. На этой стороне реки внизу, на песках, дымилась костры стана и, как букашки у кучи мусора, копошились люди меж плотов и балаганов. Вдоль реки от холма тянулась додъгинская релка, куда, собственно, и поселяли крестьян. По релке рос густой смешанный лес. Ближе к падым и заливам курчавилось чернолесье, высились ясени и тополя, дальше шел красный лес, взмахивали к небу огромными ветвями редкие кедры. Близ стана и до самого распада с бердышевской избой релка поросла березой, осиной, елью и высокими лиственницами.

— Вон и Мылки видать, — сказал Петрован, показывая на обширное озеро, залившееся в тайгу верстах в трех выше стана.

— Я давно собираюсь заглянуть в эти Мылки, — проговорил Петр Кузьмич, направляя трубу на дальние холмы. — Говорят, там была усадьба и жил маньчжурский нойон.

— Никак нет, ваше благородие! В Мылках, на нашей памяти, одни только гольды жили. Маньчжурцы эвон где, на той стороне жили — вернее сказать, иногда наезжали, останавливались напротив этой Мылки, вон, глядите-ка, между гор вроде заливчик и тальники. Это горло в озеро, озеро называется Пиван, вернее сказать, так называется остров и протока за ним, а озеро гольды как-то по-другому называют. На этом Пиване, неподалеку от устья, была городьба, у них была усадьба. Маньчжурцы приплывали сюда и собирали ясак с гольдов. Это я видел, как они плавают на больших лодках. Каждый год ярмарку открывали, торговали с гольдами, гиляками, которых, бывало, догола оберут, обыграют в карты. Тут всякого жулья наезжало. Хватало всего! Как первые-то разы мы с Николай Николаевичем проходили, все это видели. А потом Амур к нам вернулся, маньчжурцы все собрались и пошли домой. Однако решили, что не продержатся; только кто по деревням торговал, те еще остались и сейчас торгуют. Правда, говорят, что один нойон до сих пор сюда ездит тайком и все еще обирает гольдов, но он уж на Пиване не останавливается, а прячется по деревням. А там фанзы и городьба от них остались, и теперь еще колья забиты; если плыть мимо, так с реки видно.

— Не думаю я, чтобы нойоны сюда ездили, — задумчиво возразил барин. — Пограничная полиция знала бы.

— Откуда ей знать! Разве тут усмотришь? Я вам верно говорю.

Барин снова что-то записал в свою книжку.

— Ну, а что же теперь на этом Пиване? — обратился он к казакам, слезая с гнилого ствола.

— Теперь-то уж все кинули то место, никто там не живет, разве гольды когда-нибудь на озеро рыбачить наезжают. Да неужто вы ни разу не были ни в Мылках, ни на Пиване? Да разве не вы назначали места для переселенцев?

— Нет. Это еще до меня были другие чиновники.

— Мылкинские-то одно время на реку с озера выселялись, да как пароходы стали ходить, они чего-то испугались и ушли к себе на озерца. Гольды-то, ведь они так понимают, что в этом пароходе черт сидит и колеса вертит. Дальше-то вон идут озера, они туда и перешли. Озерцо за озерцом так и тянутся, как бусинки, да протоки, почитай, верст на двадцать — тридцать, до самых хребтов. Там рыбы этой!.. Как вода спадет на лугах, как пересохнут протоки — собирай ее руками. А где не возьмешь — лужа высохнет, рыба гниет грудями, птиц налетит тьма. Их пугнешь — аж небо как овчиной накроет. Вон луга-то мокрые блестят промеж лозняков, тут и озерца; гольды там при них и привились, как пчелки.

— Вода да болота, — качали мужики бородами, оглядывая окрестности.

— Кабы, ваше благородие, на Бурее-то нас населили. Вот уж там земляк! — уныло пробурчал Федор.

— Земельку-то, ее, матушку, и везде потом польешь, покуда расчистишь, — возразил Петрован. — Или, думаешь, на Бурее пашни тебе приготовлены, дожидаются? Тоже лес рубить надо, а где луга, так и вода заходит. На островах-то и тут хоть нынче пахать можно. Вон, гляди, бугровой остров тянется, пошто ему пропадать? Делай плот, станови на него коня да соху и сплавайся туда. Балаган наладишь, да и вали попахивай! Прошлый год высокая вода была, а теперь года два можно не сомневаться: не затопит этот остров; а что кругом мокро, так то сверху кажется.

— А гляди теперь в эту сторону, — вмешался в разговор Кешка, — туда пошли зверятники, там и лось ходит, и кабан, лиса, рысь, соболь, паря, и тигра бывает — хватает всего! Рысь тут ха-арошая, голубая, пятнистая. Всех народов зверь есть.

— Тигру шибко не бойся, она русского не трогает, — подхватил Петрован. — Ты встретишь ее, сам не трогай, и она, если не голодная, уйдет, как человека с ружьем увидит.

— С гольдами завести кумовство — тут князьями зажить можно, — вдруг заговорил долговязый казак Дементий, по прозванию Каланча.

— Кабы торгованов сюда населить, они бы раздули кадило, — согласился Петрован. — Тут бы зацаревали...

Кешка провел мужиков по кустарникам к западному склону бугра. Из-за елей блесло озеро. Бурная горная река падала в него из долины. Шум ее на перекатах слышен был явственно, словно там бурлили мельничные колеса.

Озеро протокой соединялось с рекой. За Додьгой и далее во все стороны тянулись леса, исчезающие во мгlistой синеве и туманах.

— Вон и самая Додьга пала в озеро. Рыбы там по осени, когда красная пойдет, полно, как у рыбака в корчаге. Лодкам мешают ходить. Городи эту Додьгу и хватай рыбу, кто чем сумеет.

Барин велел казакам провести себя по зарослям вниз, к озеру. Переселенцы последовали за ним. У подножия бугра рос пышный лиственный лес. Ветвистые тополя, толстые, как башни, громадные белокорые ильмы, осины, ясени сплелись густой листвой в сплошной шатровый навес.

Кешка, остановившись в высоких папоротниках подле какого-то стройного дерева с перистой светло-зеленой листвой, вынул нож из кожаных ножен и стал легко резать серебристую морщинистую кору.

— Поди-ка, Кондратыч, — подозвал он Егора. — Глянь, однако, такого дерева нет у вас на Руси.

— Не знаю, что за дерево. Пожалуй, что и верно, такое-то не растет у нас. Кора мякенькая, как бархат, — погладил Егор ладонью ствол.

Мужики столпились вокруг и не могли понять, что это за дерево.

— Э-э, братцы, да ведь это пробка! — заметил Егор, колупнув кору ногтем.

— Это шибко хорошее дерево, — подтвердил казак, снимая срезанный пласт коры и обнажая слой желто-зеленой маслянистой заболони.

— С этой коры первейшие балберы на невода и на сетки ладят. Гольды это дерево берегут, зря не рубят. И вам тут жить — его знать надо.

Подошел барин. Кешка показал ему срезанную кору.

— Вот, ваше благородие, интересовались вы пробкой здешней.

— Так и тут есть бархатное дерево?

— Так точно, оно самое.

Барин отошел в сторонку, где сквозь поредевший навес листвы в темную сырость леса падали солнечные лучи. При свете их он разглядел кусок пробковой коры.

— Да-а, действительно самая настоящая пробка, — вымолвил он. — Что вы скажете? А? Южная растительность на этом Амуре, — обратился он к мужикам.

— Вот то-то и есть!.. — соглашались мужики и вздыхали тяжело, словно в этой самой южной растительности и была для них какая-то загвоздка.

* * *

— Дал бы ты нам, батюшка, денек-другой на раздумье, — говорил Федор, сидя на траве у палатки чиновника. Мужики одобрительно поддакивали ему. — Нам ведь тут жизнь жить, надо бы осмотреться ладом.

— Да какое тут может быть раздумье? Очевидно же, что место не затопляется. Земля, ведь сами же вы смотрели, на четыре пальца чернозем, лучше все равно кругом нигде нет. Леса годны для построек, кедр и лиственница, чего же еще надо?

— Это конечно, — соглашался Тереха, яростно мочалая бороду. — Видно, что округ нет получше местности, но все же дал бы ты нам срок, нам ведь тут неспособно селиться. Вот говорили: на Амуре земли много. А где она, земля-то?

— Хм-хм... — недовольно буркнул барин и сморщился, покусывая короткий ус.

— Зря колеса везли, — вздохнул Федор.

— Разве такой лес осилишь? Тебе-то, барин, чем скорей нас водворить, тем лучше, а нам-то как? — с жаром продолжал Тереха. — К пескам пристали, а наверх-то и не взойти.

— Сколько труда в этот лес убьешь, а как земля-то не станет родить? — рассуждал Пахом. — Вон она, сырая. Тут, поди, сгниет все.

— Леса и те погнили. Строиться-то как из гнилья?

— Опять же, знать бы, когда коней доставят.

— По-сибирски, может, тут и ладно... кто ничего не видал.

— Без скотины тут околеешь, — посыпалось со всех сторон на барина.

— Да вы что, подлецы?! — вдруг заорал Барсуков на поспешно повскакавших с травы переселенцев. — Пора тайгу чистить, а вы в затылках скребете. Что вы думаете, глупее вас люди были, когда это место выбирали, слепые, что ли, они были? Чтобы мне сегодня же представить решение! Надо успеть до осени расчистить место под огороды, пары поднять, а вы что? Смотрите вы у меня!

Окрик барина подействовал. Теперь нечего думать и гадать, как бы не упустить хороших угодий. Барин решительно приказывал селиться на релке, и мужики вновь, как и на родине, как бывало и по дороге, безропотно подчинились привычной силе гнета. Противостоять начальству они не могли, но зато, покоряясь ему, становились перед самими собой неповинными на тот случай, если бы место оказалось выбранным неудачно.

— Ладно, барин, раз велишь, чего же, — осмелился наконец седой Кондрат и выступил из толпы. — А ежели мы тут оголодаем, кто за нас богу ответит?

— Лениться не будете, ничего с вами не станет, дедушка. Тут богатейший край, как это можно оголодать в нем? Это все дурацкие разговоры, наслушались их по дороге. Да ведь вам никто не запрещает занимать подходящие угодья, если они где-нибудь есть поблизости, — продолжал Барсуков значительно дружелюбнее.

Видя, что мужики идут на попятную, Петр Кузьмич смягчился. Ему неловко стало, что из личного желания поскорее вернуться домой он вспылил и так на них напустился.

— Но сейчас-то надо же где-нибудь селиться, сено тут заготовлено, — говорил он. — Найдете место лучше, затесывайте лес, и уж будет известно, что оно занято. Потом заимки там заведете...

Много чего могли бы мужики возразить Барсукову. Вместо богатых, плодородных земель, промучившись без малого два года в пути, они увидели перед собой горы, дикий заболоченный берег, полугнилой, заваленный буреломом лес и необозримую пустынную реку. Но не было охоты высказывать барину всех обид — их было много, и к тому же каждый понимал, что от пререканий толку не будет. Оставался единственный выход: браться за тяжелый и долгодетный труд, чистить лес на релке и окореняться там, где высадились...